

УДК 343.79

СТАТЬЯ 242 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНОМУ БАНКРОТСТВУ

К. С. ЗАХИЛЬКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются вопросы использования ст. 242 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З как элемента системы мер противодействия криминальному банкротству. Анализируется система норм о криминальном банкротстве и некоторые ее недостатки. Обосновывается закономерность использования правоприменителем некоторых связанных со статьями 238–241 Уголовного кодекса Республики Беларусь уголовно-правовых норм для противодействия криминальному банкротству. Выявляются системные свойства ст. 242 Уголовного кодекса Республики Беларусь и норм о криминальном банкротстве, на основании чего формулируются предложения о совершенствовании норм о криминальном банкротстве и названной статьи.

Ключевые слова: криминальное банкротство; уклонение от погашения кредиторской задолженности; препятствование возмещению убытков кредитору; недобросовестный должник; неплатежеспособность.

ARTICLE 242 OF THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS AS AN ELEMENT OF THE CRIMINAL BANKRUPTCY COUNTERACT SYSTEM

K. S. ZAKHILKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezalieznasti Avenue, Minsk 220030, Belarus

This article deals with the use of Article 242 of the Criminal Code as an element of the criminal bankruptcy counteract system. The criminal bankruptcy norms system and some of its defects are analyzed. The pattern of use by law enforcement officer of some related to Article 238–241 Criminal Code of Criminal Law to counter criminal bankruptcy are substantiated. System properties of Article 242 of the Criminal Code and the criminal bankruptcy norms are identified. On the basis of the system proposals for improving the norms on criminal bankruptcy and Article 242 of the Criminal Code are formulated.

Keywords: criminal bankruptcy; credit debt repayment evasion; credit debt compensation obstruction; unfair debtor; insolvency.

Введение

В настоящее время система норм о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности далека от такого состояния, при котором бы прослеживалась ее целостность и не-

прерывность при противодействии соответствующим общественно опасным деяниям. На то есть множество причин объективного и субъективного характера, среди которых следует выделить отсут-

Образец цитирования:

Захилько КС. Статья 242 Уголовного кодекса Республики Беларусь как элемент системы мер противодействия криминальному банкротству. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2019;1:81–86.

For citation:

Zakhilko KS. Article 242 of the Criminal Code of the Republic of Belarus as an element of the criminal bankruptcy counteract system. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2019;1:81–86. Russian.

Автор:

Кирилл Сергеевич Захилько – старший преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета.

Author:

Kiryl S. Zakhilko, senior lecturer at the department of criminal law, faculty of law.
zakhilko@yahoo.com

ствие единой концепции при оформлении рассматриваемой системы, спонтанность при ее формировании и последующем совершенствовании.

Как следствие, отдельные элементы системы норм о преступлениях против порядка демонстрируют связи с реальными общественными отношениями, которые законодатель едва ли закладывал изначально. Изучение таких связей позволяет более глубоко и немного отстраненно от злободневных веяний в области уголовно-правовой политики взглянуть на вопросы совершенствования норм главы 25 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), которая непосредственно участвует в регулировании одной из наиболее важных сфер общественной жизни. Как будет рассмотрено ниже, к числу таких элементов, выражающих очерченную выше проблематику, следует отнести нормы о криминальном банкротстве. Указанное предопределило актуальность, объект, предмет и методологию настоящего исследования.

Основная часть

Изучая судебную практику, можно заметить, что в настоящее время правоприменитель вынужден включать в систему мер противодействия общественно опасным деяниям, весьма схожим с криминальным банкротством, нормы уголовного права, которые нельзя строго отнести к нормам о криминальном банкротстве:

«В ходе судебного разбирательства было установлено, что 01.12.2005 хозяйственным судом Гомельской области на основании заявления ОАО “Банк” возбуждено производство по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) ООО “М” и установлен защитный период. Определением от 30.03.2006 открыто конкурсное производство и назначен управляющий. Из определения суда следует, что основанием для подачи заявления о банкротстве явилась большая кредиторская задолженность перед банком и отсутствие денежных средств.

В ходе анализа хозяйственной деятельности управляющим установлено, что 03.06.2005, т. е. в течение года до возбуждения производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве), ООО “М” (продавцом) в лице директора был заключен с ИП Г. (покупателем) договор купли-продажи изолированного помещения магазина. Фактически ответчиком расчет за магазин произведен компьютерными комплектующими по товарно-транспортной накладной. Как следует из материалов дела, на момент совершения оспоримой сделки кредиторская задолженность истца по вступившим в силу решениям хозяйственного суда составляла более 600 млн руб., в том числе перед ОАО “Банк” более 300 млн руб. Таким образом, заключив договор купли-продажи на условиях, которые не повлекли за собой соразмерного уменьшения кредиторской за-

Отдельные доктринальные тезисы о системных связях норм о криминальном банкротстве с иными нормами, о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности, против порядка управления деятельностью и интересов ответственной службы выдвигались П. С. Яни [1, с. 32–42], Н. А. Лопашенко [2, с. 386–414, 610–621], И. А. Клепицким [3, с. 230–251] и некоторыми другими иностранными исследователями, а также автором настоящей статьи [4, с. 114–118; 5, с. 62–69, 6, с. 685–691]. Косвенным образом данные проблемы затрагивались и белорусскими учеными при комментировании вопросов квалификации криминального банкротства. Следует отметить исследования Н. А. Бабя [7, с. 532–542], А. И. Лукашова [8], В. В. Хилюты [9, с. 87–94]. Как видно, непосредственно вопрос включенности ст. 242 УК в систему мер противодействия криминальному банкротству и связанные с этим проблемы не получили предметного освещения в научной литературе.

долженности, истец в лице директора умышленно нанес вред интересам кредиторов.

Приговором суда Центрального района г. Гомеля бывший директор ООО “М” привлечен к уголовной ответственности по статье 242 Уголовного кодекса Республики Беларусь за уклонение от погашения по вступившему в законную силу судебному решению кредиторской задолженности в крупном размере при наличии возможности выполнить обязательство» [10].

Как видно, действия лица, уклоняющегося от исполнения обязательств перед кредиторами, могут содержать признаки преступления, предусмотренного ст. 242 УК, при одновременном наличии отдельных признаков преступлений, предусмотренных нормами о криминальном банкротстве. Рассмотрим это подробнее.

В литературе отмечается, что действия, направленные на препятствование погашению кредиторской задолженности, при совершении преступления, предусмотренного ст. 242 УК, могут выражаться в:

а) отгрузке товаров, предназначенных для перепродажи, не сопровождающейся поступлением денежных средств или иных активов в адрес иных контрагентов;

б) уступке требований к своим должникам в пользу иных субъектов хозяйствования, что вызывает непоступление денежных средств на расчетный счет (осуществляется многими субъектами);

в) списании имущества с нарушениями законодательства о бухгалтерском учете и отчетности (без проведения являющейся обязательной при выявлении фактов хищения и (или) порчи активов инвентаризации, определения виновных лиц и возмещения ущерба; без создания комиссии, указания

причины выбытия с обоснованием нецелесообразности использования и невозможности восстановления, оприходования частей и материалов или вторичного сырья и т. п.), что приводит к уменьшению активов субъекта хозяйствования и его возможности рассчитаться по долгу;

г) отчуждении имущества иным субъектам и иное сокрытие имущества, в том числе путем его фиктивного отчуждения (передача родным, третьим лицам и т. д.);

д) введении судебного исполнителя в заблуждение относительно своего имущественного положения, непринятии мер по взысканию дебиторской задолженности или ином создании должником препятствий к обеспечению возможности взыскания задолженности (сокрытие копий исполнительных документов, оказание воздействия на кредиторов и т. д.);

е) использовании денежных средств для расчетов в добровольном порядке с другими контрагентами в ситуации, когда такие расчеты не являются приоритетными в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 29 июня 2000 г. № 359 «Об утверждении порядка расчетов между юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями в Республике Беларусь», в том числе в качестве предварительной оплаты предполагаемых к поставке товаров, предоставления займов другим субъектам хозяйствования;

ж) открытии новых текущих (расчетных) счетов в банках, чтобы избежать взыскания денежных средств путем предъявления платежного требования кредитором через органы принудительного исполнения или подобным образом;

з) использовании активов для расчетов за приобретаемое имущество в неденежной форме [9, с. 87–94; 11].

Указанные способы совершения преступления, предусмотренного ст. 242 УК, созвучны (зачастую до неотличимости) со способами достижения некоторых видов криминального банкротства, среди которых отдельно следует выделить сокрытие и отчуждение имущества при совершении преступления, предусмотренного ст. 241 УК. На практике в большинстве случаев состояние неплатежеспособности субъекта хозяйствования, имеющее или приобретающее устойчивый характер, и осознание этого обстоятельства субъектом (а чаще – возможность доказывания такого психического отношения к рассматриваемому обстоятельству) будет выступать разграничительным критерием при квалификации деяния (по ст. 241 или ст. 242 УК). Сходство этих норм подчеркивалось законодателем, который в первоначальной редакции ст. 241 УК, действовавшей до внесения изменений в УК, в целях гуманизации уголовной ответственности в 2007 г. сконструировал родственные со ст. 242 УК по конструкции и ряду основных признаков составы преступлений.

Рассмотренные обстоятельства свидетельствуют о фактическом включении ст. 242 УК в систему уголовно-правовых мер противодействия криминальному банкротству во многих правоприменительных ситуациях. Этому способствуют некоторые особенности ст. 242 УК, облегчающие правоприменительную деятельность (формальный состав преступления, отсутствие признака цели). Данный вывод находит подтверждение и в научной литературе. Некоторые исследователи отмечают, что в ряде развитых стран защита кредиторов осуществляется путем «жесткого реагирования на общественно опасные деяния, связанные с банкротством», а нормы, «аналогичные предусмотренным в ст. 242 УК», отсутствуют [9, с. 87–94].

Вместе с тем ст. 242 УК сегодня не может полностью заменить менее эффективные нормы о криминальном банкротстве. Ст. 242 УК ограничивает свою сферу требованиями кредиторов, *вытекающими из судебного постановления*. В эту сферу не включаются обязательства, вытекающие из иных правоприменительных актов (например, исполнительной надписи нотариуса), а также другие реально существующие обязательства.

Законодательный опыт и системный юридический анализ позволяет в связи с указанным заключить, что нормы о криминальном банкротстве, предполагающие жесткое реагирование на общественно опасные деяния, связанные с банкротством, должны существовать наряду с запретом, который предусмотрен в ст. 242 УК. Нормы о криминальном банкротстве и ст. 242 УК образуют единую систему норм, направленную на противодействие уклонению от исполнения обязательств перед кредиторами, как это изначально и задумывалось законодателем до изменения ст. 241 УК в 2007 г.

Выявленные системные свойства указанных норм имеют несколько важных следствий.

Во-первых, свойства более эффективно функционирующего элемента системы (ст. 242 УК) могут быть заимствованы для совершенствования менее эффективно функционирующего элемента (ст. 241 УК). Подходы к формулированию уголовной противоправности эффективно функционирующей ст. 242 УК должны быть учтены и заимствованы при совершенствовании норм о криминальном банкротстве. К числу основных черт такого подхода следует отнести: использование формальной конструкции составов преступлений, ограниченной масштабом деятельности, направленной на уклонение от обязательств (со слов «уклонение от исполнения обязательств в крупном размере»); использование в ст. 241 УК аналогичных закрепленным в ст. 242 УК подходов к формулированию признаков субъективной стороны (отказ от излишнего признака цели в связи с достаточностью криминообразующих свойств у факта осознания содержания конкретных обманных способов уклонения от исполнения

обязательств перед кредиторами в рамках интеллектуального момента умысла).

Во-вторых, имеющиеся системные связи более эффективно функционирующего элемента (ст. 242 УК) могут быть использованы для перераспределения сферы функционирования рассматриваемых элементов. Некоторые деяния из числа криминального банкротства можно признавать общественно опасными путем более широкого включения эффективной и удобной в правоприменительной деятельности ст. 242 УК в систему мер противодействия криминальному банкротству. Для этого потребуются внести некоторые изменения в указанную норму, связанные с расширением отдельных признаков за счет сужения сферы норм о криминальном банкротстве, что следует рассмотреть подробнее.

При подобном подходе к анализу норм о криминальном банкротстве можно обнаружить некоторый пробел в системе мер, направленных на противодействие уклонению от исполнения обязательств перед кредиторами. Следует учитывать, что за ряд формально подпадающих под признаки ст. 238–241 УК деяний, вытекающих из управленческой хозяйственной деятельности лица, законодательством предусматривается субсидиарная гражданско-правовая ответственность.

В соответствии с ч. 2 ст. 11 Закона Республики Беларусь от 13 июня 2012 г. № 415-3 «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон № 415-3) устанавливается, что если экономическая несостоятельность (банкротство) должника – юридического лица «вызвана собственником его имущества, учредителями (участниками) или иными лицами, в том числе руководителем должника, имеющими право давать обязательные для должника указания либо имеющими возможность иным образом определять его действия», то такие лица при недостаточности имущества должника для расчета с кредиторами солидарно несут субсидиарную ответственность.

Одновременно, в соответствии с п. 5.6 Декрета Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства», закрепленное в ч. 2 ст. 11 Закона № 415-3 положение сужено уточнением: только виновные (умышленные) действия лиц, вызвавшие экономическую несостоятельность (банкротство), являются основанием привлечения к субсидиарной ответственности. Исходя из данной нормы, основанием привлечения к субсидиарной ответственности является только такое поведение лица, при котором оно «намеренно действует либо бездействует с целью неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства либо создания невозможности его исполнения» [12, с. 758] (умысел), что приводит к экономической несостоятельности (банкротству). Иными словами, варианты поведения, указывающие на недостаточное проявление заботливости и осмотрительности

(неосторожность) и вызвавшие экономическую несостоятельность (банкротство), должны исключать привлечение такого лица к субсидиарной ответственности.

В связи с этим привлеченными к субсидиарной ответственности в соответствии с ч. 2 ст. 11 Закона «О развитии предпринимательства» являются лицами, которые непосредственно и намеренно вызывают экономическую несостоятельность должника, тогда как ущерб от их деяний непосредственно связан с их деятельностью в качестве должностных лиц юридического лица. Привлечение таких лиц к субсидиарной ответственности влечет за собой полное или частичное возложение на них обязательств должника в части виновно возникшей задолженности. При этом в отношении данных обязательств они перестают быть субъектом преступления, предусмотренного ст. 242 УК, что создает пробел в уголовном праве, влекущий необоснованную невозможность публично-правовой защиты интересов кредиторов. Это связано с тем, что суммы в таком случае взыскиваются с физических лиц, тогда как субъектом преступления, предусмотренного в ст. 242 УК, может быть только должностное лицо или индивидуальный предприниматель. Одновременно общественная опасность такого деяния аналогична общественной опасности деяния, описанного в ст. 242 УК.

Экономические суды на практике довольно успешно взыскивают суммы задолженности в порядке субсидиарной ответственности в делах об экономической несостоятельности (банкротстве). То есть использование ст. 242 УК в качестве уголовно-правового инструмента защиты интересов кредиторов от недобросовестных действий лиц, привлеченных за умышленные и незаконные действия к субсидиарной ответственности, является более простым и эффективным способом защиты от некоторых общественно опасных деяний в области криминального банкротства, нежели специальные нормы.

Необходимость использования подобного приема обосновывается и тем, что, как отмечает М. Е. Денисюк, запоздалое (через месяцы или даже годы после возбуждения дела о банкротстве) назначение экспертизы и (или) объективная длительность ее проведения (ожидание проведения) на практике влечет за собой невозможность привлечения к уголовной ответственности лиц за деяния, предусмотренные в статьях 238–241 УК [13, с. 25–28]. Из-за этого за время, проходящее с момента совершения преступления и до постановления приговора суда, зачастую истекают сроки давности привлечения к уголовной ответственности, которые для преступлений, предусмотренных статьями 238–240 УК, составляют 5 лет, а для наиболее распространенного варианта криминального банкротства – преступления, предусмотренного ст. 241 УК, и вовсе 2 года (статьи 12, 83 УК). Отмечается, что в 34,5 % случаев

преступлений, предусмотренных ст. 241 УК, по которым правоохранительный орган или суд приняли итоговое решение, предварительное следствие либо производство по уголовному делу прекращены за истечением сроков давности [13, с. 25–28]. Учет данной особенности выявления и расследования криминального банкротства влечет за собой необходимость поиска дополнительных к уже имеющимся в статьях 238–241 УК подходов, позволяющих защитить интересы кредиторов в рас-

смотренной ситуации бессилия действующего УК. Указанную проблему позволяет нивелировать предложенный подход. Наиболее оптимальным законодательным способом его реализации видится устранение вышерассмотренного пробела путем указания в ст. 242 УК дополнительного специального субъекта преступления – лица, привлеченного к субсидиарной ответственности на основаниях, предусмотренных законодательством об экономической несостоятельности (банкротстве).

Заключение

Предлагается ст. 242 УК дополнить указанием на дополнительный специальный субъект этого преступления, т. е. на *...лицо, привлеченное к субсидиарной ответственности на основаниях, предусмотренных законодательством об экономической несостоятельности (банкротстве)*. Данное изменение позволит правоприменителю включать ст. 242 УК в систему уголовно-правовых мер противодействия криминальному банкротству, что обеспечит дополнительные возможности противодействия общественно опасным вариантам уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами в экономической деятельности.

Подходы к формулированию уголовной противоправности эффективно функционирующей ст. 242 УК должны быть учтены и заимствованы при со-

вершенствовании норм о криминальном банкротстве. К числу основных черт такого подхода следует отнести использование формальной конструкции составов преступлений, ограниченной масштабом деятельности, направленной на уклонение от обязательств (со слов «уклонение от исполнения обязательств в крупном размере»); использование в ст. 241 УК аналогичных закрепленным в ст. 242 УК подходов к формулированию признаков субъективной стороны (отказ от излишнего признака цели в связи с достаточностью криминообразующих свойств у факта осознания содержания конкретных обманных способов совершения уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами в рамках интеллектуального момента умысла).

Библиографические ссылки

1. Яни ПС. Проблемы квалификации преступлений в сфере банкротства. *Законность*. 2014;1:38–42.
2. Лопашенко НА. *Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ. Часть II*. Москва: Юрлитинформ; 2015. 640 с.
3. Клепицкий ИА. *Система хозяйственных преступлений*. Москва: Статут; 2005. 572 с.
4. Захилько КС. Характеристика причин совершения криминального банкротства. В: Суша НВ, Вишняков ВА, Гедранович АБ, Головачев АС, Довнар ТИ, Ивановский АВ и др., редакторы. *Актуальные проблемы науки XXI века. Выпуск 7*. Минск: Минский инновационный университет; 2018. с. 114–118.
5. Захилько КС. Неплатежеспособность, имеющая или приобретающая устойчивый характер, как признак объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 238–241 УК. *Предварительное расследование*. 2018;2:62–69.
6. Захилько КС. К вопросу о декриминализации криминального. В: Карновин НА, редактор. *Право в современном белорусском обществе*. Минск: Колорград; 2018. с. 685–691.
7. Барков АВ, Хомич ВМ, редакторы. *Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу РБ*. Минск: ГИУСТ БГУ; 2010. 1064 с.
8. Лукашов АИ. *Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации*. Минск: Тесей; 2002. 256 с.
9. Хилjuta ВВ. Уклонение от погашения кредиторской задолженности: проблемы привлечения недобросовестного должника к уголовной ответственности. *Вестник Высшего Хозяйственного Суда*. 2010;8:87–94.
10. Колодко СБ, Иванчикова АВ. Расчет не по правилам [Электронный ресурс]. *КонсультантПлюс: Беларусь*. ООО «ЮрСпектр». Минск; 2019.
11. Смольский АП. Уклонение от погашения кредиторской задолженности: особенности квалификации и выявления признаков [Электронный ресурс]. *КонсультантПлюс: Беларусь*. ООО «ЮрСпектр». Минск; 2019.
12. Брагинский МИ, Витрянский ВВ. *Договорное право. Книга 1: Общие положения*. Москва: Статут; 2003. 848 с.
13. Денисюк МЕ. Криминальное банкротство. *Промышленно-торговое право*. 2013;6:25–28.

References

1. Yani PS. The Problems of classification of bankruptcy crimes. *Zakonnost'*. 2014;1:38–42. Russian.
2. Lopashenko NA. *Prestupleniya v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti: teoreticheskii i prikladnoi analiz. Chast' II* [Crimes in the sphere of economic: theoretical and practical analysis. Part 2]. Moscow: Yurлитinform; 2015. 640 p. Russian.

3. Klepitsky IA. *Sistema khozyaistvennykh prestuplenii* [The system of economic crimes]. Moscow: Statute; 2005. 572 p. Russian.
4. Zakhilko KS. Description of reasons for criminal bankruptcy. In: Susha NV, Vishnyakov VA, Gedranovich AB, Golovachev AS, Dovnar TI, Ivanovskii AV, et al., editors. *Current issues of science of the XXI century. Volume 7*. Minsk: Minsk Innovation University; 2018. p. 114–118. Russian.
5. Zakhilko KS. Sustained insolvency, as an element of actus reus of the crimes, specified by articles 238–241 of the Criminal Code of the Republic of Belarus. *Preliminary investigation*. 2018;2:62–69. Russian.
6. Zakhilko KS. [On the issue of decriminalization of criminal bankruptcy]. In: Karnovin NA, editor. *Pravo v sovremennom belorusskom obshchestve* [Law in modern Belarusian society]. Minsk: Kolorgrad; 2018. p. 685–691. Russian.
7. Barkov AV, Khomich VM, editors. *Nauchno-prakticheskii kommentarii k Ugolovnomu kodeksu RB* [Scientific and practical commentary on the Criminal Code of the Republic of Belarus]. Minsk: Gosudarstvennyi institut upravleniya i sotsial'nykh tekhnologii Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta; 2010. 1064 p. Russian.
8. Lukashov AI. *Prestupleniya protiv poryadka osushchestvleniya ekonomicheskoi deyatel'nosti: ugovno-pravovaya kharakteristika i voprosy kvalifikatsii* [Crimes against the economic orderliness activity: criminal and legal characteristics and qualification issues]. Minsk: Tesey; 2002. 256 p. Russian.
9. Hilyuta VV. [Evasion from the repayment of accounts payable: the problem of bringing the unscrupulous debtor to criminal liability]. *Vestnik Vysshego Khozyaistvennogo Suda*. 2010;8:87–94. Russian.
10. Kolodko SB, Ivanchikova AV. Calculation not by the rules [retrieval system]. *ConsultantPlus: Belarus*. LLC «YurSpektr». Minsk; 2019. Russian.
11. Smolsky AP. Evasion from repayment of accounts payable: features of qualification and identification of signs [retrieval system]. *ConsultantPlus: Belarus*. LLC «YurSpektr». Minsk; 2019. Russian.
12. Braginsky MI, Vitryansky VV. *Dogovornoe pravo. Kniga 1: Obshchie polozheniya* [Contract law. Book 1: General Provisions]. Moscow: Statute; 2003. p. 848. Russian.
13. Denisyuk ME. Criminal bankruptcy. *Industrial and Commercial Law*. 2013;6:25–28. Russian.

Статья поступила в редколлегию 16.01.2019.
Received by editorial board 16.01.2019.